

ЖИЗНЬ В ОБЩЕСТВЕ ГЛОБАЛЬНОГО РИСКА – КАК С ЭТИМ СПРАВИТЬСЯ: КОСМОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ¹

Когда рушится мировой порядок, начинается анализ. Впрочем, этого, похоже, совсем нельзя сказать о господствующем ныне типе социальной мысли и социальной теории. С универсалистской отстраненностью и сомнамбулической уверенностью они парят над течениями эпохальных перемен.

Достаточно лишь вспомнить космополитические, как я их называю, события, изменившие мир за последние 25 лет – 11 сентября, текущий финансовый кризис, продолжающиеся изменения климата, чреватая долгосрочными последствиями ядерная катастрофа на Фукусиме, непрошедшая «арабская весна», бессрочный кризис евро, движение «Захвати Уолл-стрит». Все эти события связаны, по меньшей мере, двумя общими чертами: (1) они происходили и происходят совершенно неожиданно, то есть находятся за пределами наших политико-социологических категорий и нашего воображения; (2) они транснациональны или глобальны по своему масштабу и своим последствиям.

Отсюда вопрос: не стал ли господствующий тип социального анализа – будь он структуралистским, интеракционистским, марксистским, основанным на «критической теории» или теории систем – сегодня устаревшим и провинциальным? *Устаревшим* – потому, что он исключает очевидное, а именно – парадигматический сдвиг в современной обществе и политике. *Провинциальным* – потому, что он неправомерно абсолютизирует специфический опыт и ожидания модернизации Западной Европы и Америки, искажая тем самым социологический факт их партикулярности.

Было бы явной недооценкой ситуации сказать, что европейская социология, как и социология вообще, нуждается в понимании модернизации других обществ лишь для того, чтобы обрести более целостную картину мира. Ведь и самих себя мы, европейцы, сможем понять только тогда, когда «депровинциализируемся», то есть когда нашим социологическим методом станет умение смотреть на мир глазами других. Вот что я

---

¹ Космополитизм – термин нагруженный, особенно в российском контексте; он *не совпадает* со сталинским политическим определением космополитизма как «антипатриотического настроения и поведения». С моей точки зрения, теоретически и эмпирически «космополитический поворот» представляет ответ на эпистемологический вопрос глобализации: как мы можем понимать и анализировать новую взаимосвязь мира. Вкратце мой ответ таков: глядя на себя глазами другого – если определять это методологически.

называю космополитическим поворотом в социологической и политической теории и в социологических и политических исследованиях.

Изложу свою аргументацию пошагово, в семи тезисах.

1. Сначала я поставлю под сомнение одно из самых влиятельных воззрений на общество и политику, свойственное как социальным акторам, так и социальным исследователям. Это методологический национализм. Методологический национализм приравнивает современное общество к обществу, организованному как территориально ограниченное национальное государство.

2. Что означает «космополитизация»?

3. Что нового несет с собой *мировое общество риска*?

4. Каким образом такой глобальный риск, как кризис евро, меняет силовой ландшафт Европы?

5. Если брать в качестве примера изменение климата, то как воображаются и реализуются новые космополитические сообщества глобального риска?

6. Каково влияние режима прав человека на процесс делегитимации глобального неравенства?

7. Какое место могут занимать права человека в современной космополитической конъюнктуре?

1. Критика методологического национализма

Методологический национализм полагает, что национальное государство и национальное общество являются «естественными» социальными и политическими формами современного мира. Он полагает, что человечество естественным образом разделено на некоторое ограниченное число наций, которые изнутри организуют себя как национальные государства, а извне устанавливают границы, позволяющие им отличать себя от других национальных государств. Такой дуализм национального и интернационального представляет наиболее фундаментальную категорию политической организации.

И в самом деле, в основе наших политических и социальных научных референций лежит понятие национального государства. Именно националистический взгляд на общество и политику, закон, справедливость и историю господствует над политическим и

социологическим воображением. И именно этот методологический национализм мешает общественным наукам постичь суть политической динамики мира риска или Европы риска.

Когда социальные или политические акторы исповедуют такую точку зрения, я говорю о «национальном мировоззрении»; когда же эта точка зрения определяет перспективу социального исследователя, я говорю о «методологическом национализме». Различие между перспективой социального актора и социального исследователя принципиально, поскольку между ними существует только историческое, а не логическое отношение. Именно это историческое отношение между социальными акторами и социальными исследователями и порождает аксиоматику методологического национализма. При этом методологический национализм не есть некая второстепенная проблема или мелкая ошибка. Он включает в себя порядок сбора/производства данных, а также такие фундаментальные понятия современной социологии, как общество, класс, демократия, семья, воображаемое сообщество и т. п.

Совершенно очевидно, что в XIX веке европейская социология зародилась и развивалась в рамках националистической парадигмы и что любые космополитические поползновения были, по сути, задушены ужасами великих войн. В методологическом национализме Эмиля Дюркгейма «братство» превращается в «солидарность» и «национальную интеграцию». Под последней он, конечно, имел в виду интеграцию такого национального общества, как Франция, хотя и не говорил об этом прямо. Верно, впрочем, и то, что в то же самое время и Дюркгейм, и Огюст Конт говорили о космополитизме как о возможном будущем развитии современного общества. А социология Макса Вебера включала в себя сравнительное изучение трудовой этики и мировых религий, однако политически его мысль вдохновлялась идеей национального вообще и национального государства в частности.

Критику методологического национализма не следует смешивать с тезисом о конце национального государства. Национальные государства (как подтверждают все исследователи) будут преуспевать или трансформируются в транснациональные государства (примером может служить Европейский союз). Решающее значение для критики методологического национализма имеет то обстоятельство, что национальная организация как структурирующий принцип социального действия не может более служить ориентиром для ученого. Более того, процессы ренационализации или ретннизации, которые мы наблюдаем в Западной Европе и других частях света, нельзя

понять вне космополитической перспективы. В этом смысле общественные науки могут адекватно отвечать на вызовы глобализации только в том случае, если, преодолев методологический национализм, они начнут ставить – эмпирически и теоретически – фундаментальные вопросы в границах своих специализированных исследований и тем самым заново сформулируют космополитическую социальную науку. Для преодоления методологического национализма нам необходим космополитический поворот, космополитическая перспектива.

2. Что означает «космополитизация»

Эпоха, в которую мы живем, есть эпоха не космополитизма, а космополитизации. «Глобальный Другой» находится среди нас. Понятие космополитизации окутано роем недоразумений и ложных интерпретаций. Его суть проще всего можно выразить на парадигматическом примере. Это *глобальная трансплантология*. Победа глобальной трансплантологической хирургии (а вовсе не ее кризис!) подорвала ее собственные этические основания и открыла дорогу для теневой экономики, поставляющей на мировой рынок «свежие» органы. В мире радикального неравенства явно нет недостатка в отчаявшихся людях, готовых за гроши продать почку, часть печени, легкое, глаз и даже яичко. Судьба отчаявшихся пациентов, ждущих донорский орган, мрачно переплетается с судьбой не менее отчаявшихся людей, поскольку каждая сторона борется за решение базовых проблем своего выживания. Так возникает то, что я называю *реально существующей космополитизацией чрезвычайной ситуации*.

Эта нечистая, банальная, принудительная космополитизация «свежих почек» снимает все дихотомии, все привычные *или/или* – между Севером и Югом, центром и периферией, миром имущих и миром неимущих. В индивидуальных телесных конфигурациях континенты, расы, классы, нации и религии – все смешивается. «Мусульманские» почки очищают «христианскую» кровь. Представители «белой расы» дышат легкими чернокожих. Белокурый менеджер взирает на мир глазами африканского уличного мальчишки. Католический священник остается в живых благодаря почке, взятой у проститутки из бразильской фавелы. Тела богачей становятся лоскутными одеялами, а бедняки, в свою очередь, превращаются в реальных или потенциальных депозитариев запасных частей. Поштучная продажа органов – их пожизненная страховка. А на другом конце цепочки – биополитический «гражданин мира» – белокожий, стройный или располневший, с почкой индуса или глазом мусульманина.

Этот пример прекрасно иллюстрирует то, что я имею в виду под «глобализацией»: глобальный бедный не просто рядом с нами, глобальный бедный *внутри* нас. И уже по одной этой причине он больше не является глобальным Другим.

Факты космополитизации, безусловно, не ускользают из поля зрения социальных наук. Поэтому важно четко различать *философский* космополитизм, имеющий дело с *нормами*, и *социологическую* космополитизацию, оперирующую *фактами*.

Космополитизм, в том его философском смысле, который вкладывают в него Иммануил Кант и Юрген Хабермас, означает нечто активное, задачу, сознательное решение, что-то такое, что находится в ведении элит и осуществляется сверху. Однако сегодня банальная и нечистая космополитизация разворачивается стихийно, незаметно, мощно и агрессивно. Скрытая под поверхностью, за фасадами национальных конструкций, она существует вне зависимости от суверенных территорий и этикетов. От самой вершины общества она идет вниз, обнаруживая себя в обыденной семейной жизни, в повседневных ситуациях на рабочем месте, в индивидуальных телах и карьерах, хотя национальные флаги все еще развеваются, а национальные отношения, национальные идентичности и национальные формы сознания даже упрочиваются.

3. Именно это имеет место в контексте мирового общества риска

Почему понятие «мировое общество риска» столь важно для понимания социально-политической динамики и трансформаций начала XXI века? Накопление рисков – ядерного, экологического, финансового, военного, террористического, биохимического, информационного – стало сегодня преобладающим фактором. В той мере, в какой риск переживается нами как постоянный и повсеместный, на него возможны три реакции: отрицание, апатия и трансформация. *Отрицание* глубоко вписано в первую культуру модерна, однако политический риск отрицания ею игнорируется. Это мы ясно видим на примере использования ядерной энергии после Фукусимы. *Апатия* прокладывает путь нигилистической линии постмодернизма. *Трансформация* фиксирует проблему, которую поднимает мировое общество риска: каким образом осознание множественности зависящих от человека вариантов будущего и, соответственно, возможных рисков влияет и трансформирует восприятие человека, а также условия жизни и институты современного общества? Одним из поразительных примеров здесь является, несомненно, глобальный финансовый кризис и та сумятица, которую он порождает в Европе и в мире в целом.

Прежде всего, следует различать *risk* и катастрофу. Риск *не означает* катастрофы. Риск означает *предощущение, осознание* катастрофы. Находясь в ситуации риска, мы в нашем настоящем проигрываем варианты будущего, но при этом настоящее будущее будущих катастроф остается принципиально неведомым. Без техники визуализации, без символических форм, без масс-медиа риски – вообще ничто. Поэтому глобальные риски – это, по сути, глобальные медийно опосредованные риски.

В социологическом и политическом плане это означает следующее: если разрушение и бедствие осознаются как угроза, возникает желание действовать. Предчувствие грядущих катастроф в настоящем (и кризис евро вновь живой тому пример) порождает всевозможные турбулентности внутри национальных и интернациональных институций, а также в повседневной жизни людей. Говоря политически, глобальные риски создают глобальную публику, которая мобилизует людей поверх всех границ – национальных, религиозных, этнических и т. д.

Что нового несет с собой глобальное общество риска? Современные общества и их основы потрясены глобальным предчувствием глобальных катастроф (изменение климата, финансовый кризис). Такое восприятие глобально произведенных рисков и неопределенностей характеризуется следующими чертами:

- *делокализация*. Их причины и следствия не ограничены каким-то одним местом или пространством, они принципиально глобальны;
- *некалькулируемость*. Последствия катастроф мирового масштаба принципиально не просчитываемы. По сути, речь идет о «гипотетических» или «виртуальных» рисках, которые не в последнюю очередь опираются на утверждаемую самой наукой невозможность знания и пронизывающие науку нормативные разногласия;
- *некомпенсируемость*. Мечта о безопасности, характерная для европейского модерна XIX века, была порождением научной утопии растущего контроля человека над опасными последствиями своих решений, неуклонного снижения степени их опасности. Катастрофические инциденты могли происходить пока и поскольку они считались компенсируемыми. Если же климат меняется бесповоротно, если прогресс, достигнутый в генетике человека, делает вторжения в человеческую

природу необратимыми, если «Super-Gau»² происходят повсеместно, то уже слишком поздно говорить о компенсации. Новое качество угроз человечеству разрушает логику компенсации. Ее место занимает принцип «предостерегающего предотвращения» (Франсуа Эвальд³).

4. Каким образом такой глобальный риск, как кризис евро, меняет ландшафт власти в Европе

Традиционное понимание «большой Европы» явно поражено методологическим национализмом. Такой национальный взгляд предполагает два и только два пути понимания современной европейской политики интеграции: либо федерация, ведущая к федеративному сверхдержаву, либо интерговернментализм, ведущий к федерации национальных государств. Обе модели в равной степени неадекватны. Они не отражают существенных моментов, свойственных современной Европе. Кроме того, в глубоком структурном отношении эти модели имеют антиевропейскую направленность. Ведь они отвергают самую что ни на есть достойную цель – формирование Европы различий, Европы космополитической, заботящейся о процветании различий. Это сразу выясняется, как только заводят речь о будущей национальных государств, каждое из которых, как предполагается, будет защищать свой суверенитет от экспансии общеевропейской власти. В такой перспективе европейская интеграция предстает как своего рода европейская самоколонизация. То же самое справедливо и по отношению к идее федеративного сверхгосударства. Так выглядит Европа, пропущенная сквозь фильтры эксклюзивных категорий националистического мышления, способных понять ее только одним способом, а именно – как огромное (этнокультурное) национальное государство. Но такое представление в корне неверно. Создать *одну* европейскую нацию невозможно, нежелательно, да и означало бы нечто антиевропейское по своей сути. Защитникам националистической идеи даже в голову не приходит, что Европу, быть может, вообще не следует воображать по образцу национального государства, которому суждено лишь прирасти размером!

Обе модели – и федерация национальных государств, и федеративное сверхгосударство – под разными углами описывают игру с нулевым результатом. Либо

---

² Super-Gau – немецкий термин, применяемый для обозначения наиболее серьезных ядерных катастроф, таких как Чернобыльская авария (*прим. ред.*).

³ Франсуа Эвальд (Francois Ewald) – французский историк, философ (*прим. ред.*).

одно-единственное государство Европа (федерализм), и тогда нет никаких отдельных национальных государств. Либо отдельные национальные государства, по-прежнему отправляющие власть, и тогда нет никакой Европы (интерговернментализм). В этой парадигме, сколь бы ни выигрывала Европа, отдельные национальные государства все равно остаются в проигрыше. И это правда, защищаем ли мы данную опцию или выступаем ее противниками. Вот что я имею в виду, когда говорю, что националистические категории мышления делают невозможной идею Европы. Находясь в плену ложной альтернативы националистического мировоззрения, мы вынуждены выбирать между отсутствием Европы и не-Европой. Похоже, именно так и можно охарактеризовать ситуацию, в которой оказалась сегодня Европа. Две стороны одного тупика, рельефно выступающие на фоне нынешнего кризиса евро.

Методологический национализм отрицает эту эмпирическую реальность Европы – Европы космополитизирующейся. Позвольте мне прибегнуть к простой метафоре: Европа – это яичница. Если вы попытаетесь отделить желток от белка, ничего не получится!

Если евро рухнет, рухнет и Европейский союз, говорят Ангела Меркель и Николя Саркози. Такое предчувствие общеевропейской катастрофы принципиально меняет европейский ландшафт власти.

Вот как выглядит этот ландшафт сегодня. Грамматика власти подчинена имперскому различию между странами-кредиторами и странами-должниками. Отсюда не военная, а экономическая логика. (В этом отношении разговоры о «Четвертом рейхе» бьют мимо цели.) Ее идеологическим фундаментом является то, что я называю *немецким евронационализмом*, то есть вариантом знакомого нам национализма стабильной немецкой марки, расширенным до пределов Европы. Так немецкая культура валютной стабильности поднимается до уровня ведущей идеи Европы.

Последствие этого – раскол Евросоюза. Он проявляется прежде всего в конфликте между странами Евросоюза, входящими и не входящими в еврозону. Те, у кого нет евро, исключены из процессов принятия решений, формирующих настоящее и будущее Европы. Они низводятся до положения зрителей и теряют свой политический голос. Это особенно очевидно в случае Великобритании, которая постепенно остается не у дел в Европе.

Однако драматический раскол имеет место также и в новом, раздираемом кризисом центре активности стран еврозоны – раскол между странами, которые уже зависят или в

скором времени будут зависеть от фонда помощи, и странами, финансирующими этот фонд. Первым не остается ничего иного, кроме как подчиниться претендующему на власть немецкому евронационализму. Перед Италией – возможно, одной из самых европейских стран – встает угроза потерять свою роль в процессе формирования настоящего и будущего европейского континента.

Вот пример того, как риск - ожидание европейской катастрофы изменяет европейское пространство власти. Моя точка зрения состоит не только в том, что кризис евро разрывает Европу на части. Это, несомненно, так. Но суть дела в том, что в этом процессе основные правила европейской демократии в настоящее время приостанавливаются или даже превращаются в свою противоположность – это происходит в обход парламентов, правительств и институтов ЕС. Многосторонность превращается в односторонность, взаимодействие – в гегемонию, суверенитет – в лишение суверенитета, а признание – в неуважение к достоинству других наций. Даже Франция, которая долгое время была во главе процесса объединения Европы, теперь должна подчиняться структурам в Берлине из опасений за свой международный кредитный рейтинг.

В то же время риск, связанный с евро, открывает новые возможности, новые пространства для действия, новые политические возможности. Кодовыми становятся выражения «банковский союз», «налог на финансовую трансакцию», «евробонды», «европейское финансовое правительство», избираемый прямым голосованием «президент Евросоюза» и т. д. Фактически, вопрос о том, каким образом следует управлять этим огромным пространством, охватывающим 27 государств-членов, если для принятия любого решения необходимо убедить в его целесообразности 27 глав правительств, кабинетов министров и парламентов, разрешился сам собой. В отличие от старого ЕС, зона евро de facto представляет собой двухскоростное сообщество. В будущем только зона евро – а не ЕС как таковой – будет принадлежать к авангарду европеизации. Это открывает новые возможности перед институциональным воображением, столь необходимым сегодня.

Позвольте мне привести еще один пример того, как меняет мир предчувствие катастрофы: речь идет об изменении климата. Изменение климата вызывает фундаментальные общественные трансформации, порождая новые формы власти, неравенства и незащищенности, равно как и новые формы сотрудничества и солидарности на местном, национальном и глобальном уровнях. Отсюда мой следующий вопрос.

5. Существуют ли новые «космополитические» сообщества риска и, если да, то как они воображаются и реализуются?

Ключевое понятие «космополитические сообщества риска» представляет собой расширенную версию понятия, введенного Бенедиктом Андерсоном (1983) в его работе о возникновении национальных государств как «воображаемых сообществ». Как показал Андерсон, национализм формируется не через непосредственные контакты с другими людьми, а скорее через осознание того, что переживаешь схожие с ними состояния и находишься под воздействием схожих событий. Андерсон вводит выражение «воображаемые сообщества» для того, чтобы показать, каким образом происходит конструирование национальной идентичности. Моя задача состоит в том, чтобы расширить это понятие и обратиться к следующему вопросу: каким образом можно превратить понятие «воображаемые космополитические сообщества риска» (Бек 2011) в мощное объяснительное средство для понимания запутанных социальных, экономических и политических последствий изменения климата? Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо уточнить три момента.

(1) *Динамика изменения климата подобна двуликому Янусу.* С изменением климата само понятие «сообщество» уже не опирается только на общие ценности. Новые глобальные взаимосвязи устанавливаются посредством причинных интерпретаций угроз и ответственности, что создает пространство прагматического контроля и учета. Это новое космополитическое пространство, скорее трансформирующее локальные и национальные сообщества, нежели замещающее их, находится в непосредственной зависимости от влиятельности причинных объяснений, и оно открыто для переговоров. «Климатический скептицизм» прекрасно иллюстрирует степень амбивалентности, царящей в естественных науках. Несмотря на то, что рабочий консенсус относительно антропогенной природы изменения климата уже достигнут на общемировом уровне (Oreskes 2004), принятию всеобъемлющего соглашения по климату все еще препятствуют социальные и географические границы. В этой динамике сотрудничество и конфликт продолжают переплетаться.

(2) *Изменение климата диктует новое картографирование политической власти и социального неравенства.* Изменение климата трансформирует краткосрочные и долгосрочные формы социального неравенства, а также политические антагонизмы на локальном, национальном, региональном и глобальном уровнях. Формирование новых космополитических сообществ риска существенно связано с распределением власти и

ресурсов, социальной и естественной уязвимостью, различным восприятием несправедливости богатыми и бедными регионами⁴.

(3) *Усиление международного сотрудничества становится суровой реальностью, обусловленной космополитическим императивом.* Из этого, в конечном счете, вытекает вопрос: как можно успешно преодолевать глобальные риски в условиях множества соперничающих друг с другом сообществ с их различными нормативными моделями, материальными интересами и конstellациями политической власти? Ключ к ответу на этот вопрос дает понятие *космополитической реальной политики (Realpolitik)*. Для понимания и развития этого понятия необходимо, в частности, четко отличать его от нормативно-философского космополитизма, с одной стороны, и идеалистического утопического космополитизма (Archibugi 2008; Held 2004) – с другой. Космополитическая *Realpolitik* взывает – по крайней мере, преимущественно – не к общим идеям и идентичностям, а к власти и интересам. Если принять такую «реалистическую» перспективу, то основным вопросом будет следующий: каким образом гегемонистские «игры метавласти» глобальной политики государств и государственных интересов могут служить осуществлению общих космополитических целей? Или, если воспользоваться краткой формулой, восходящей к Мандевиллю (Mandeville 1989 [1714]): как частные пороки можно превратить в общественные добродетели?

Понятие космополитической *Realpolitik*, нацеленное на этот вопрос, опирается на несколько допущений. Новая историческая реальность мирового общества риска такова, что никто сегодня не может справиться с проблемами в одиночку. Космополитизм, в указанном мною выше смысле, не призывает жертвовать собственными интересами и руководствоваться исключительно высшими идеями и идеалами. Напротив, он принимает как данность тот факт, что любое политическое действие основано преимущественно на определенном интересе. Однако он настаивает на том, чтобы преследование собственного интереса не противоречило интересам более широкого сообщества. Таким образом, космополитический реализм в основе своей означает признание законных интересов других и их учет при определении собственных интересов. В этом процессе частные интересы становятся «рефлексивными национальными интересами» через воспроизводящиеся совместные стратегии самоограничения; точнее, расширение прав и возможностей возникает в результате самоограничения. В идеале индивидуальные и коллективные цели и на национальном, и на глобальном уровне можно достигать одновременно. В действительности же, однако, космополитическая *Realpolitik* часто

---

⁴ Эту зависимость можно исследовать на примере взаимосвязанности глобальных городов в проведении климатической политики (как делаю я вместе с моими коллегами).

наталкивается на ограничения и проблемы (Beck, Grande 2007: chapter.8). То есть это не панацея, и работает она тоже отнюдь не всегда. В частности, то, существует ли у проблемы космополитическое решение, зависит от нормативного и институционального контекста, в котором приходится принимать решения. Но, тем не менее, основной посыл космополитической *Realpolitik* состоит в том, что будущее открыто. Оно зависит от решений, которые мы принимаем.

Можно утверждать, что впервые в истории космополитические обязательства обладают значимостью в реальном мире, причем не только как ответ на возникновение мирового общества риска. В этой связи возможны два сценария. *«Гегелевский» сценарий* обещает появление *космополитического императива сотрудничества: взаимодействуйте или потерпите неудачу!* Или права человека, или катастрофа человечества!

Однако еврокризис грозит нам и другим, зловещим *сценарием* – *сценарием по Карлу Шмитту*: «нормализацией чрезвычайного положения, превращением его в норму» (Holzinger et al. 2010) Впрочем, о том, как эти две тенденции друг с другом переплетаются и какими могут быть социальные и политические последствия такого переплетения, известно немного.

6. Права человека и делегитимация космополитического неравенства

Позвольте мне еще раз обратиться к вопросу об основных проблемах методологического национализма. Во-первых, в аналитическом плане он игнорирует фундаментальные реалии нашего времени, связанные с космополитизацией неравенств. Почему? Потому что, во-вторых, он утверждает дуализм «локального/глобального» и «национального/интернационального», которые сегодня постепенно размываются. В-третьих, методологический национализм (в любых его формах) *не способен* уловить суть проблемы делегитимации неравенств, их политическую взрывоопасность.

Эти фундаментальные слабости хорошо просматриваются у Джона Ролза в его «Theory of Justice» (1971), а также в его поздней работе «The Law of Peoples» (1999; см. Cheah 2006). Ролз как философ очень ясно высказывается относительно того, что означает быть методологическим националистом. Как достичь справедливости в рамках нации – тема его первой книги. В своем более позднем труде Ролз идет дальше и обращается к проблеме мирового правления и глобальной справедливости. Но и здесь международная перспектива принимается им во внимание лишь упрощенно, как нечто вторичное. Он говорит о долге либеральных, «хорошо организованных» обществ помочь

«обремененным» обществам. Как только последние трансформируются и станут «хорошо организованными», различия в уровне дохода между нациями не будут иметь никакого значения.

Ролз заявляет: «Когда...у всех народов есть работающее либеральное, достойное правительство, нет смысла сужать разрыв между средним уровнем благосостояния у различных народов» (Rawls 1999:114). В концепции Ролза эти различия порождены различиями, которые оправдываются принципом (коллективной) результативности и национальными предпочтениями.

Такая национально ориентированная и необъективная перспектива справедливости совершенно упускает из виду вопрос, который является чрезвычайно важным для понимания политической динамики и трансформации неравенств: почему и при каких обстоятельствах тот или иной вид неравенства – возникающий или исчезающий объективно – *теряет легитимацию* (Beck 2010). Здесь есть два условия очевидной важности: во-первых, *создание равных норм*, во-вторых, *сравнимость неравенства*.

Первое условие выполняется через распространение, защиту и институционализацию прав человека; второе – через космополитизацию неравенства.

Идущая сегодня трансформация арабского мира демонстрирует, как вера в равные нормы – права человека – делает неравенства сравнимыми и тем самым политически весьма взрывоопасными. Именно транснациональная космополитическая динамика здесь столь очевидна и в то же время столь поразительна. Сетевое и безработное поколение арабской молодежи свергает старый тоталитарный режим арабского Ближнего Востока. Волна возмущений поднялась в регионе, который столь долго проявлял устойчивость к изменениям. Исламисты были участниками этих восстаний, но не их зачинщиками. Восстаниями руководила секуляризованная молодежь, жаждущая обрести свободу. Это молодое «глобальное поколение» индивидуализировано и в то же время космополитизировано Интернетом, сетью Facebook и т. п. Это поколение, воодушевленное серьезным отношением к правам человека, умеет сравнивать. И хотя молодой араб или арабка не выражают своего возмущения громко, его или ее бунт следует рассматривать как восстание не только против стареющих правителей своих стран, но также против своих политических элит, склонных к коллаборационизму с режимами, поднатюрившими в манипулировании оппозицией.

И снова мейнстрим социологии, оперирующей категориями воспроизводства социального порядка, власти и политической системы, оказывается неспособным уловить суть исторического момента.

7. Позиционирование прав человека в современной космополитической конъюнктуре

Практический дискурс прав человека заявляет о готовности взять на себя обязанность защищать наиболее фундаментальные условия человечности. В той мере, в какой эта универсалистская миссия может прийти в конфликт с государственным управлением гражданами, дискурс прав человека есть способ придать космополитизации человеческое лицо. Так рассуждают в своей совместной работе Натан Шнайдер и Даниэль Леви (Sznajder and Levy 2010). Таким образом, в этой перспективе существует моральное и политическое противоречие между процессами космополитизации и правами человека.

Несложно проиллюстрировать это с помощью тех примеров, о которых я говорил выше: космополитизация означает, что глобальный Другой уже не находится «где-то там» или рядом с нами, он «внутри» нас. А в упомянутом случае со «свежими почками» это «внутри» вообще имеет прямой телесный, физиологический смысл. В то же время «включение» предполагает «исключение»: «южная» почка очищает «северную» кровь. Это «включение» не означает, что южанин, лишившийся почки, будет включен в западное сообщество; верно как раз обратное – он или она останется исключенным/исключенной. И именно потому, что эти люди остаются исключенными, их «свежие почки» столь дешевы и, значит, будут помещены в тело, например, богатого западного епископа или кардинала (кого точно, не важно). Тем самым материальные процессы, которые я называю космополитизацией, затрагивают самую суть того, что означает быть человеком.

С одной стороны, космополитизация усиливает смешение с глобальным Другим, открывая пространства и перспективы для установления режимов прав человека. Не только транснациональные медиа и телекоммуникационные сети, но и глобальные риски (такие как изменение климата, финансовые кризисы и даже, в известной мере, террористическая угроза) создают глобальную публику и обещают сплотить нас в единое человечество. Этот тип «рефлексивной космополитизации» отсылает ко множеству способов конструирования социального мира, и важнейший из таких способов – появление «третьей культуры» (Delanty 2009). Космополитизацию следует рассматривать не как частичное или исключительное условие, которое либо существует, либо не существует, как состояние или цель, которую необходимо достичь, а скорее как этико-

политический способ социетальной трансформации, основанный на принципе открытости мира; этот принцип открытости мира порождает феномен *глобальной публики*. Сегодня глобальная публика играет критическую роль в этих процессах трансформации. Акцент здесь ставится на космополитических мгновениях открытости мира, возникающих из встречи с глобально опосредованными глобальными рисками. С этой точки зрения, рефлексивная космополитизация есть форма раскрытия мира, возникающая из возможностей трансформации, имманентно присущих социальному миру (Beck 2006; Delanty 2009).

С другой стороны, в той мере, в какой эти процессы связаны с глобальными рисками (и с императивами накопления капитала), они также порождают глубочайшие сомнения в продолжении сохранения человечества. «Такое понимание [космополитизации] как совокупности процессов, которые могут иметь антигуманные последствия в случае, если они выйдут из-под влияния человека, разумеется, не ново. Оно повторяет аналитическую схему, в которой энтропия, характеризующая человеческое взаимодействие и социальную деятельность, требует более высокой нормативной силы, чтобы держать ее под контролем, такой, например, как моральное чувство (Адам Смит), общественный труд (Карл Маркс) или критический разум (Франкфуртская школа от Теодора Адорно до Юргена Хабермаса). Оживившиеся в последние годы дискуссии о правах человека направляются именно этой логикой. Универсальный режим прав человека в качестве нормативной системы, упорядочивающей совокупность взаимодействий между государством и группами, организованными по частным интересам, между коллективными акторами и индивидами, а также отношения между индивидами, придает человечность нашему [космополитизированному] миру. Он позволяет нам рассматривать космополитическое состояние как человеческое состояние» (Cheah 2006: 178).

Я хотел бы охарактеризовать два способа, которыми глобализация связывается с реализацией человечности (права человека). Один из них представлен *либеральным*, другой – *транснациональным* подходом. Это позволит прояснить мою собственную позицию по этому поводу (*космополитический* подход).

(1) «Либеральный подход исходит из того, что либерализация мировой торговли и глобализация производства в эпоху, наступившую после холодной войны, способствует всемирной институционализации универсальных прав человека, поскольку глобальное распространение рыночных механизмов непременно сопровождается

распространением власти закона и демократической культуры, а введение «современного» способа производства разрушает традиционные социальные структуры общинного типа (*Gemeinschaft*), в которых права рационального индивида приносятся в жертву коллективному долгу. Довольно интересно, что в современной академической среде, где национализм часто развенчивается как правая патриархальная идеология, глобализация повсеместно принимается: глобализация есть благо, а национальный провинциализм – зло для прав человека вообще и для прав женщин в частности. Этот тип рассуждения можно встретить в академических культурологических исследованиях, например в выступлении Арджуна Аппадурай в защиту постнационального мирового порядка. Он присутствует также в социальной политике, например в предпринимательском, корпоративистском интернационализме, и предоставляет информацию крупным подразделениям международных организаций (ООН, ВТО и т. д.)]. (Cheah 2006: 179)

(2) Транснациональный подход признает «неравный характер глобализации, однако продолжает считать, что она способствует реализации универсальной человечности. Он все еще утверждает, что, хотя глобализация и ведет к возрастанию неравенства, она, тем не менее, является своего рода суровым горнилом, в котором происходит формирование новых географических пространств, благоприятствующих развитию транснациональных политических институтов и режимов прав человека, что, в свою очередь, создает основу для всемирного гражданства. Лучшим примером этой позиции служат пользующиеся большим влиянием работы Саскии Сассен, посвященные глобальным городам (Sassen 2001; 2010). Другой иллюстрацией этой позиции может выступить книга Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» [Negri and Hardt 2000]. Хардт и Негри утверждают, что множественность труда мигрантов конституирует “новую человеческую географию”» (там же).

(3) Космополитический подход ставит под вопрос принимаемую за аксиому связь между транснациональной миграцией и реализацией человечности, указывая на амбивалентность процессов космополитизации (космополитизация как двуликий Янус).

Некоторые итоги

Что я имею в виду под «космополитической социальной наукой»?

Во-первых, я утверждаю, что литература по общественным наукам во многом еще путается в сетях методологического национализма. Она по-прежнему опирается на допущение, будто национально-территориальное остается изначальным вместилищем

данных, необходимых для анализа социальных, экономических, политических и культурных процессов. Однако в начале XXI века общество мирового риска бросило политический и теоретический вызов идее, согласно которой тесное переплетение истории и границ является единственным средством социальной и символической интеграции и единственным средством ее анализа.

Во-вторых, я отвергаю обычные значения слова «космополитизм», отделяя его тем самым от таких понятий, как универсализм, глобализм, транснационализм и интернационализм. Космополитизация, как я ее понимаю, – это *идеал и реальность* универсализма, который содержит в себе особое измерение – глобальности, включающей национализм, и транснационализма, который не исключает множественности этничностей и культур.

В-третьих, я предлагаю произвести *субстанциальный сдвиг*. Я утверждаю, что космополитизация – это не универсальный антитезис партикуляризма (национализму, локализму, культурализму и т. д.). Скорее это *синтез* предыдущих теорий. Это *преодоление дуализма* между универсализмом и партикуляризмом, интернационализмом и национализмом, между глобализацией и локализацией. Тем самым космополитизация есть нечто значительно большее, чем просто политическая теория, философская утопия (или для кого-то антиутопия), значительно большее, чем программа правления, индивидуальный жизненный стиль или состояние ума. Это реальность нашего времени.

Утверждение о том, что космополитизм есть нереалистическая идеология, я переворачиваю с ног на голову и заявляю: защитники национального – вот кто истинные идеалисты. Они смотрят на реальность через потертые националистические очки, не позволяющие разглядеть происходящие в реальности изменения, и это делает их теории старомодными и ошибочными.

Подводя итог, можно выразить сказанное в одном предложении. В мире риска национализм становится врагом нации. Следовательно, космополитизация – это исследовательская перспектива, политическая реальность и нормативная теория. Это *критическая теория* нашего времени, поскольку она бросает вызов наиболее фундаментальной из наших истин – истине национального.

Перевод с английского Владимира Малахова

Литература

Anderson, Benedict (1983) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London/New York: Verso. (Рус. пер.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001)

Appadurai, Arjun (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press

Archibugi, Daniele (2008) *The Global Commonwealth of Citizens: Toward Cosmopolitan Democracy*, Princeton, NJ/Woodstock: Princeton University Press

Beck, Ulrich (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*, London/Thousand Oaks/New Delhi: Sage Publications. (Рус.пер.: Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000)

Beck, Ulrich (1997) *The Reinvention of Politics: Rethinking Modernity in the Global Social Order*, Cambridge: Polity Press/Blackwell Publishers

Beck, Ulrich (1999) *World Risk Society*, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press/Blackwell Publishers

Beck, Ulrich (2005) *Power in the Global Age: A New Global Political Economy*, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press. (Рус.пер.: Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007).

Beck, Ulrich (2006) *The Cosmopolitan Vision*, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press

Beck, Ulrich (2007) 'Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequalities in a Globalizing World', *British Journal of Sociology* 58(4): 679-705

Beck, Ulrich (2009) *World at Risk*, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press

Beck, Ulrich (2010) 'Remapping Social Inequalities in an Age of Climate Change: For a Cosmopolitan Renewal of Sociology', *Global Networks* 10(2): 165-181

Beck, Ulrich (2011) 'Cosmopolitanism as Imagined Communities of Global Risk', in Edward A. Tiryakian (guest editor) "Imagined Communities" in the 21st Century. Special issue of the *American Behavioral Scientist* 55(10): 1346-1361

Beck, Ulrich (2012) *Twenty Observations on a World in Turmoil*, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press

Beck, Ulrich and Grande, Edgar (2007) *Cosmopolitan Europe*, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press

Beck, Ulrich and Grande, Edgar (2010) 'Varieties of Second Modernity: The Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory and Research', *British Journal of Sociology* 61(3): 409-443.

Beck, Ulrich and Sznaider, Natan (2006) 'Unpacking Cosmopolitanism for the Social Sciences: A Research Agenda', *British Journal of Sociology* 57(1): 1-23

Beck, Ulrich and Sznaider, Natan (2010) 'New Cosmopolitanism in the Social Sciences', in Bryan S. Turner (ed.) *The Routledge International Handbook of Globalization Studies*, Abingdon, Oxon/New York: Routledge, pp. 635-652

Cheah, Pheng (2006) *Inhuman Conditions: On Cosmopolitanism and Human Rights*, Cambridge, MA/London: Harvard University Press

Delanty, Gerard (2009) *The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory*, Cambridge, UK: Cambridge University Press

Ewald, François (2002) 'The Return of Descartes' Malicious Demon: An Outline of a Philosophy of Precaution', in Tom Baker and Jonathan Simon (eds) *Embracing Risk: The Changing Culture of Insurance and Responsibility*, Chicago: University of Chicago Press, pp. 273-301.

Hardt, Michael and Negri, Antonio (2000) *Empire*, Cambridge, MA: Harvard University Press. (Рус. пер.: Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004).

Held, David (2004) *Global Covenant: The Social Democratic Alternative to the Washington Consensus*, Cambridge, UK/Malden, MA: Polity Press

Holzinger, Markus; May, Stefan and Pohler, Wiebke (2010) *Weltrisikogesellschaft als Ausnahmezustand*, Weilerswist: Velbrück Wissenschaft

Levy, Daniel and Sznaider, Natan (2010) *Human Rights and Memory*, University Park; PA: Penn State University Press.

Mandeville, Bernard (1989 [1714]) *The Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits*, London/New York: Penguin Books. (Мандевиль Б. Басня о пчелах или Пороки частных лиц – благо для общества. М.: Мысль. Философское наследие, 1974).

Milanovic, Branko (2011) *The Haves and the Have-Nots: A Brief and Idiosyncratic History of Global Inequality*, New York: Basic Books

Oreskes, Naomi (2004) 'The Scientific Consensus on Climate Change', *Science* 306(5702): 1686

Rawls, John (1971) *A Theory of Justice*, Cambridge, MA: Belknap Press Harvard University Press. (Ролз Дж. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010).

Rawls, John (1999) *The Law of Peoples: with "The Idea of Public Reason Revisited"*, Cambridge, MA: Harvard University Press

Sassen, Saskia (2001) *The Global City: New York, London, Tokyo*, Princeton NJ/Woodstock: Princeton University Press. (Сассен С. Глобальные города: постиндустриальные производственные площадки // Прогнозис: журнал о будущем. № 4, 2005).

Sassen, Saskia (2010) 'Cities are at the Center of Our Environmental Future', *SAPIENS* 2(3): 1-8

Scheper-Hughes, Nancy (2005) 'The Last Commodity: Post-Human Ethics and the Global Traffic in 'Fresh' Organs', in Aihwa Ong and Stephen J. Collier (eds) *Global Assemblages: Technology, Politics and Ethics as Anthropological Problems*, Malden/MA, Oxford/UK und Carlton: Blackwell Publishing, pp. 145-167

Wimmer, Andreas and Glick Schiller, Nina (2002) 'Methodological Nationalism and Beyond: Nation-State Building, Migration and the Social Sciences', *Global Networks* 2(4): 301-334

Yates, Joshua J. (2009) 'Mapping the Good World: The New Cosmopolitans and Our Changing World Picture', *The Hedgehog Review* 11(3): 7-27